

Тук, тук, тук — спицы стучали еле слышно, торопливо отсчитывая петли на отполированных палочках. Скрюченные пальцы бабки Анки споро вывязывали то огромные вытянутые петли, то тугие шишки. Полотнище уже спустилось ей на колени — пестрый прямоугольник из ниток разной толщины и цвета. Выходил из-под старых пальцев не носок, не шарф, а какая-то кривая тряпица с несуразным узором.

Во второй комнате зазвенели пружины ее бывшей кровати, которую уже больше года теперь занимал германский офицер Герхард Толле. По половицам зашлепали босые ноги, и от этого тихого звука бабка Анка сжалась в темном углу в комок. Ей хотелось сейчас раствориться в воздухе, уменьшиться до размеров тряпичной куклы или вовсе исчезнуть. Небольшое слабое тельце застыло, голова вжалась в плечи, только пальцы продолжали торопливо отсчитывать петли и узелки. Вязала она на ощупь, ничего не

видя, поскольку потеряла зрение после того, как ее избили немецкие оккупанты, еще в начале войны, занимая дома в пригороде Маевска. Тогда бабушка Анка кинулась спасать свою любимую корову Ночку от занесенного над ней немецкого штыка. Удар штыка пришелся женщине в висок, отчего на глаза легла серая пелена, которая так и не растаяла ни через месяц, ни через год.

Корову тогда все-таки зарубили и пустили на шницели для офицеров гестапо, которые отмечали очередную победу армии Гитлера. А бабушка Анка освоилась и научилась жить на ощупь, отсчитывая в своей добротной избе шаги от кухни до спальни, а оттуда до сенок и колодца во дворе. Считала, стараясь не замечать ноющей боли в груди: некогда о мертвых думать, надо растить, кормить каждый день живых. Вернее, живого — единственного внука Семушку, которого она успела спрятать в печи от гитлеровцев. Остальных внуков бабушки Анки вместе со всеми детьми Ленинского района Маевска согнали под вой матерей в крытые брезентом машины и увезли куда-то по южной дороге.

С того дня Анка жила только Семушкой, ради него жила. Слепая скоблила полы в хате, взбивала перины и подушки, стирала в ледяной воде по ночам форму, начищала щеткой сапоги

немецким офицерам, которые регулярно размещались в ее большом, построенном тремя сыновьями доме. Сутками она хлопотала, чтобы заработать горстку пшена, полбуханки хлеба или жижу из вскрытой консервной банки офицерского пайка. Все бережно перебирала чуткими пальцами, грела в эмалированной кружке и совала наверх, на полати белой печурки, где обитал Семушка. Она уговорами и строгостью не разрешала шустрому шестилетнему мальчику спускаться оттуда, пока размещенный у старухи очередной офицер валялся на кровати с пышными перинами, где Анка зачала и родила всех своих шестерых детей, или резался в карты с сослуживцами в светлой мастерской ее мужа — столяра-краснодеревщика. Когда немец отбывал на службу в гарнизон, она разрешала наконец Семушке спуститься вниз, а потом и вовсе шептала мальчонке на ухо указания, после которых он стремглав бросался бежать по узким проулкам и улочкам района.

Сейчас Семушка спал у теплой трубы натопленной печи, а Анка в страхе жалась в холодном углу сенок, ни на секунду не останавливая перестук деревянных вязальных спиц. Ноги прошлепали в кухню, раздался звук жадных гром-

ких глотков. Гауптшарфюрер¹ Толле выпил два ковша ледяной воды, но от выпитых шести бутылок шнапса за вечер кровь продолжала пульсировать в висках, отдавая болью, а горло оказывала кислая волна изжоги. Тук-тук, чертовы спицы, казалось, стучат ему прямо по воспаленному страшным похмельем мозгу. Толле выругался, отшвырнул ковш, так что он со звоном врезался в белую стену, и кинулся в сенки. Там он схватил в темноте за что-то мягкое, пушистое и с силой рванул к двери. Пинком распахнул дверь, протащил за седые волосы бабу Анку по крыльцу, по тропинке и с силой оттолкнул к стенке колодца:

— Старая ведьма, чтобы я не слышал тебя и твоего ублюдка. Я сдам тебя в гестапо, если не перестанешь стучать!

Он пнул старуху в мягкий бок, но промахнулся и лишь выбил из ее рук вязанье. Она молчала, превратившись в черный ссутулившийся силуэт. Толле снова выругался и зашагал обратно, шатаясь из стороны в сторону. В полумраке он даже не заметил, как крошечная тень шмыгнула из-за двери под крыльцо. В избе Толле выпил по-

¹ Гауптшарфюрер — звание СС, соответствует званию прапорщик.

следний глоток алкоголя из походной фляжки, рухнул на перину и забылся в тяжелом дурмане.

Бабка Анка в это время ползала у колодца, пытаясь найти свое вязанье. От удара она не смогла удержать спицы в руках, и рукоделие улетело в сторону. Теперь старая женщина ощупывала каждый сантиметр земли, чтобы найти пропажу. Вдруг тоненький голос над ухом зашептал еле слышно:

— Бабанечка, вот, держи, вязанье под яблоню улетело.

Но старушка охнула в ужасе, ощутив кончиками пальцев повисшие в пустоте петли — спицы вылетели из рядов при падении. За свою жизнь Анка не научилась долго причитать, охать из-за случившегося, только мгновенно находить решение в любой ситуации. Старушка поймала тонкое запястье внука, притянула мальчонку к себе, зашептала на ухо так, чтобы снова не беспокоить постояльца:

— Семушка, до бани беги, там для веников прутки лежат, сушатся у крылечка. Два самых толстых хватай и неси мне.

Мальчуган охотно кинулся выполнять просьбу любимой бабушки, а Анка проверила рисунок из ниток: кажется, все на месте, полотно не распустилось, но нужно срочно доделать работу.

Рядом задышал Сема, бабуля протянула руку, и в сухонькую ладошку легли два прутика. Анка бережно нанизала петли на новые самодельные спицы и снова принялась за работу. Рядом с ней притулился тоненький Сема, он несколько секунд всматривался в сумраке в белое пятно лица бабушки.

— Бабаня, — маленькая ручка коснулась липкой струйки на ее лице, — у тебя с волосов кровь течет. Я за тряпкой, воды надо, бабаня.

— Тс-с-с, тише, — остановила его Анка, не прекращая свою работу. — Посиди смирно, Семушка. Посиди, я заканчиваю уже, потом до лесу бежать надо будет.

Но Сема никак не мог отвести взгляд от багрового потока. Офицер вырвал Анке клоч седых волос, и теперь из раны на глаза ей текла кровь. Хотя это и не мешало ей, незрячей, работать спицами, поскольку она все равно не видела результатов своей работы, но кожу щипало, рану саднило, а тело ныло после ударов. И все же Анка упорно продолжала трудиться над вязаньем. Внук не удержался, погладил ее по тонкому плечу:

— Больно, бабаня?

Та сухо, как обычно, ответила:

— Потерпеть надо, Семушка. До рассвету вернуться надо успеть. Смирно сиди, считаю я, не сбивай.

И он снова не выдержал, прошептал больше самому себе:

— Вырасту и убью немца проклятого. Все волосы вырву, а потом убью его.

Через полчаса ласковое касание разбудило Семушку, бабана сунула ему в ручку готовую работу. Без единого слова мальчик поднялся и поспешил за калитку. Только теплый родной запах несколько секунд провисел в воздухе, а потом растворился в тяжелом предрассветном тумане.

Легкий, невидимый за влажной пеленой, ребенок пробежал по коротким улочкам и уже через десять минут оказался за чертой города. Раньше Ленинский район города Маевска был отдельным поселком, но после строительства кирпичного завода постепенно границы между поселениями стерлись, и бывший поселок Красная Горка стал отдаленной городской окраиной. Разгромленные бомбежками заводские бараки, корпуса утыкались прямо в густой хвойный лес, куда так спешил Семушка. Непрístupные заросли его не пугали, мальчик успел за год выучить все приметы, по которым надо было пробираться в глубину деревьев. Вот обломанный огром-

ный пень почти с него ростом, потом овраг, покрытый чертополохом, и, наконец, конечная точка его маршрута — тугая старая ива у зеленой кромки болота. Сема ловко взобрался по тонкому стволу, вытянул руку и всунул бабушкино вязанье в выдолбленное углубление в стволе. Под пальцами зашуршал сухой древесный лист. Сема выудил малюсенький сверток из пожелтевшего листика, осторожно раскрыл его. На желтом кусочке горела красным цветом прозрачная капля — леденец монпансье. Правда, мальчик не знал, как называется лакомство, никогда не видел того, кто положил этот подарок в дупло. Он родился за три года до войны и почти не помнил родного брата Сергея, который теперь был связным в партизанском отряде. Все, что Сема знал, так это то, что нужно каждую неделю пробираться к болоту и оставлять для Сергея бабушкино вязанье, а взамен брат оставлял ему неприятельные подарки: горстку лесной малины, кусок сушеной зайчатины или маслянистый гриб на толстой ножке. Конфету он оставил впервые, поэтому мальчишка не удержался и лизнул леденец. На секунду закрыл глаза, ощущая невероятную сладость, что растеклась по языку. Но тут же завернул лакомство обратно в обертку, сунул за пазуху и бросился бежать назад. Ему надо

ТАЙНЫЙ БУНКЕР АБВЕРА

успеть вернуться и взобраться на безопасное место на печке до того, как проснется офицер Толле. И только после того как его начищенные бабулей сапоги протопают по крыльцу, можно угостить бабаню невероятным подарком. И тогда на сморщенном, темном от горя лице наконец засветится на несколько секунд тихая улыбка.

ГЛАВА 1

Глеб Шубин проснулся словно от толчка, за окном разливался молочный туман, в палате госпиталя все мирно спали в такой час. У капитана военной разведки сон давно стал тонким, будто марля, рвущимся от каждого шороха. Вот и сейчас он пружинисто сел на деревянном настиле, нахмурился от резкой боли в ногах, привычным движением помассировал кожу, пока не утихла волна боли, прислушался к сонной тишине в небе за окном, в коридорах госпиталя и снова провалился в сон.

Второй раз капитан Шубин проснулся, как только по деревянному полу зашаркали знакомые шаги. Его лечащий врач в сопровождении медсестры пошел на осмотр больных, определяя пациентов на выписку. Глеб торопливо вскочил, еле удержался на непослушных ногах, но заставил себя выпрямиться у кровати безо всякой опоры. Разведчик торопливо пригладил волосы, одернул нательную рубаху. При появлении док-

тора в сером застиранном донельзя халате выпрямил спину и сжал зубы, чтобы не выдать гримасой свои ощущения. Все следы ран на теле, а особенно в области икр, принялись наливаться огнем, от прилившей крови казалось, что места, откуда на операции вытащили осколки, прижигают раскаленным железом. И все же капитан Шубин уверенно стоял на ногах, по его спокойному лицу не было видно страданий, лишь мертвенная бледность выдавала ту боль, которую испытывал разведчик.

Врач переходил от кровати к кровати, негромко диктовал медсестре фамилии и указания. За пару шагов до вытянувшегося в струнку Шубина он кивнул, приветствуя:

— А-а-а, капитан Шубин! Ну вольно, вольно уже, мы не на параде.

У Глеба получилось улыбнуться:

— Товарищ военврач, когда меня выпишут? Вы же видите, я почти здоров. Пока доберусь в часть, все до конца зарастет.

Под очками промелькнули лучики морщинок от улыбки, но голос у доктора был строгим:

— Шубин, ложитесь, кальсоны поднимаем.

Глеб, стараясь не застонать от боли при каждом движении, улегся на тонкий матрас из нескольких одеял и послушно засучил штани-